

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МАЛЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1860—1917 гг.)

В статье рассмотрен опыт становления и развития системы национального образования для малых коренных народов Енисейской губернии в дореволюционный период и проанализирована роль Русской православной церкви в этом процессе; дается характеристика нормативной и методической базы; описана структура церковных учреждений, занимающихся просвещением инородцев, а также проанализирована деятельность учреждений образования для инородческого населения. Теоретическая основа исследования — антропологический подход, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, проблемно-хронологический и статистический методы. Автор приходит к выводу о том, что Русская православная церковь сыграла основополагающую роль в генезисе системы национального образования для коренных малых народов Енисейской губернии во второй половине XIX—XX вв.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Енисейская губерния, миссионерство, национальное образование, национальная политика, переводческая деятельность, священнослужители, просвещение, церковно-приходская школа.

Постановка проблемы. Процесс зарождения, становления и развития национального образования в России ведет отсчет со второй половины XIX в. Несомненно, отдельные, точечные попытки просвещения и обучения грамоте инородцев предпринимались и в более ранние периоды, однако более системный характер эта работа приняла с 1860-х гг. Причиной послужили как реформы императора Александра II, запустившие процесс демократизации и просвещения российского общества, так и стремительное развитие отечественной педагогической мысли, в которой в отдельное направление стало выделяться понятие народной (национальной) педагогики.

Необходимо отметить, что, будучи частью народной педагогики, национальное образование до революции не являлось самостоятельным педагогическим учением. И, соответственно, не находило реализации в государственной образовательной политике. Организация просвещения многочисленных инородцев, населявших Российскую империю, переходила в руки равнодушных частных лиц, общественных и религиозных организаций. Это был поистине подвижнический труд, поскольку педагоги действовали без какой-либо нормативной, методической, финансовой поддержки со стороны государства, не имея практического опыта предшественников, вопреки непониманию общества,

а подчас и преодолевая сопротивление самих инородцев. Однако, несмотря ни на что, у этого процесса были ощутимые положительные результаты — помимо сотен школ и тысяч инородцев, получивших возможность иметь хотя бы начальное образование, был накоплен бесценный опыт, а методические, нормативные и научные разработки легли в основу деятельности будущих поколений педагогов и воспитателей. Известно, что в 1920-е гг. в рамках молодой советской системы образования национальное образование было выделено в самостоятельную отрасль, игравшую огромное политическое значение, за основу были взяты многочисленные разработки и практические решения дореволюционных педагогов.

Тема генезиса национального образования в России систематически возникала в трудах классиков отечественной педагогики.

Наибольший интерес вызывают труды Н. И. Ильминского — педагога, миссионера, создателя собственной педагогической системы, автора многочисленных учебных пособий. Он отстаивал идеи о том, что преподавание должно вестись с учетом этнических, культурных, религиозных воззрений, условий жизни, говорил о значимой роли преподавания именно с использованием родного языка [1].

Среди наработок советских исследователей особого внимания заслуживают исследования Г. Н. Вол-

кова — основателя советской школы этнопедагогической. Он развивал идею о том, что для комплексного и всестороннего развития личности необходимо учитывать особенности национальной практики воспитания и обучения и активно применять ее в повседневной педагогической деятельности [2].

История становления и развития национальной школы на территории Енисейской губернии, ее влияние на формирование системы народного образования и социокультурные процессы региона отражена в трудах таких ученых, как В. А. Асочаков, В. В. Бибикина, С. А. Капсаргина, Р. Г. Рафиков, С. Н. Ценюга [3–7].

Анализ историко-педагогической литературы позволяет сделать вывод о том, что сегодня существует достаточно большой комплекс исследований, касающихся вопросов национального образования как в рамках России в целом, так и современного Красноярского края в частности. Однако комплексного исследования, освещающего генезис национальной школы среди коренных народностей северных и южных окраин Енисейской губернии в дореволюционный период и роли в этом процессе Русской православной церкви, не обнаружено. Цель и новизна исследования — попытка устранения данной лакуны.

Источниковой базой исследования послужили как ранее изданные научные работы специалистов в области национальной педагогики, так и неопубликованные ретроспективные документы фондов Государственного архива Красноярского края, которые, являясь историческим первоисточником, составили информационное ядро исследования. Это документы Енисейской духовной консистории, Енисейского епархиального миссионерского комитета, дирекции народных училищ Енисейской губернии.

Основная часть. Для Енисейской губернии вопросы организации просветительской работы среди инородцев были весьма актуальны, поскольку, согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории губернии проживало 47,1 тыс. коренных инородцев (9,4 тыс. северных народностей и 37,7 тыс. на юге) [6, с. 6]. Среди них были: долгане, якуты, юраки, самоеды, остяки, тунгусы, авамцы на севере губернии и качинцы, кизильцы, мелетцы, сагайцы, тубинцы, шорцы. Отдельную национальную группу составляли кочующие на территории Урянхайского края подданные китайской империи (сойты) [8, с. 164]. В основном инородческое население было сконцентрировано в Минусинском, Ачинском уездах и Туруханском крае.

Поскольку национальное образование не являлось самостоятельной отраслью педагогики, а просвещение инородческого населения не представлялось чем-то необходимым и фактически не получало государственной поддержки, на территории Енисейской губернии инициатива в этом вопросе перешла в руки Русской православной церкви, поскольку именно она находилась в повседневном контакте с инородческим населением, миссионерская деятельность среди которого была одним из приоритетных направлений деятельности ее служителей. Общественные организации, русскоязычное и инородческое население изначально не проявляли никакой инициативы, поскольку не осознавали важную роль образования.

Просветительская деятельность строилась в весьма многообразных формах — проповедь христианского вероучения, воспитание, обучение гра-

моте и элементарным бытовым навыкам, переводческая деятельность и многое другое.

Несомненно, изначальной целью просвещения было сделать возможным понимание и усвоение христианского учения, однако осуществиться эта цель могла лишь при выполнении ряда задач, таких как: организация доступа к начальному образованию и усвоение начальных основ грамоты, расширение кругозора инородцев и повышение культурного и морально-нравственного уровня (например, были нередки такие явления, как браки с близкими родственниками, умыкание невест, пьянство, воровство, порой миссионеры описывали даже леденящие кровь случаи каннибализма в голодные годы), прививание элементарных санитарно-гигиенических навыков, борьба с шаманизмом и суевериями и многое другое.

Первые упоминания о просветительской деятельности среди инородцев Енисейской губернии относятся к середине XVII в. Особый миссионер Туруханского края Михаил Суслов, основываясь на данных архива Троицкого мужского монастыря, отмечал, что первые попытки проповеднической деятельности среди инородцев севера губернии (тунгусов) и обучения их грамоте предпринимались еще в 1660 г., с момента основания монастыря иеромонахом Тихоном. В 1778 г., после строительства Хатангской церкви, миссионерская деятельность активно велась среди тунгусов, самоедов и якутов, кочующих в ее окрестностях [9, л. 18]. В 1750 и в 1805 гг. при Туруханском монастыре были открыты первые инородческие школы [10, л. 18]. Однако дальнейшая их судьба осталась неизвестной.

Со второй половины XIX в. стали происходить качественные изменения в области обучения грамоте коренных жителей губернии. Помимо общих тенденций в развитии российского общества, большую роль в этом процессе сыграло то, что в 1861 г. из состава Томской епархии была выделена Енисейская епархия во главе с епископом Никодимом [11]. Определенная административная самостоятельность епархии и личные качества епископа, его искренняя заинтересованность в развитии веренных приходов позволили быстро принимать и эффективно реализовывать решения, касающиеся паствы. Одним из приоритетных направлений стало просвещение инородцев и повышение их культурного уровня.

14 февраля 1871 г. был создан Енисейский епархиальный комитет православного миссионерского общества [12]. Помимо распространения основ христианского вероучения, основными задачами комитета были: строительство миссионерских церквей, создание возможностей для обучения грамоте и воспитания инородцев, путем создания сети церковно-приходских школ, училищ или обучения в семьях приходских священников-миссионеров, разработка учебной и методической литературы, организация переводческой деятельности и попытки создания письменности. В состав членов комитета с первых лет его деятельности входили священники, причетники, учителя и переводчики [13]. Деятельность общества финансировалась за счет добровольных пожертвований.

Самым эффективным средством просвещения инородческого населения было, несомненно, образование. Ежедневно именно в этом направлении проводилась масштабная, кропотливая и трудоемкая работа. Миссионеры, приходские священники и благочинные стояли у основ создания националь-

ной школы региона. Они жили в инородческой среде, были близко знакомы с проблемами, потребностями и надеждами инородцев, особенностями культуры, мировоззрения, языка и быта, а также понимали необходимость просвещения с учетом национальной самобытности. Действовать же приходилось интуитивно, почти на ощупь, адаптируя имеющуюся систему образовательных учреждений и методик преподавания под особенности и потребности местного населения.

Единственным нормативным документом, регулирующим данный процесс в конце XIX в., были «Правила о мерах к образованию инородцев», созданные в 1870 г. Правила, по сути, предусматривали тотальную русификацию инородцев — первоначально было обязательным изучение русского языка (родной язык использовался преимущественно в устной форме с целью дальнейшего перехода на русский язык), а затем уже других дисциплин. Школы были исключительно ассимилятивного характера. Никаких особых методик преподавания, правил организации учебного процесса, учитывающих особенности инородцев, не предусматривалось.

Позже, в начале XX в., будут изданы и другие нормативно-методические документы — «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России» 1906 г. (с поправками от 1907 г.) [14] и «Правила о начальных училищах для инородцев» 1913 г., подразумевавшие расширение применения национального языка (например, преподавание на нем основных дисциплин с дальнейшим переходом на русский). Однако цель была неизменна: «Распространение между инородцами знания русского языка и сближения с русским народом» [15, л. 80].

Во второй половине XIX — начале XX вв. начался процесс активного создания сети инородческих училищ и церковно-приходских школ. Безусловно, священники и миссионеры сыграли в этом ключевую роль. Они неоднократно обращались к церковным и светским властям с обоснованием острой необходимости разветвления школьной сети в местах обитания инородцев.

Первоначально школы (церковно-приходские, школы грамоты) создавались при миссионерских приходах. В то же время инородцы часто обучались в церковно-приходских школах тех церквей, которые формально не считались миссионерскими, но среди прихожан были инородцы. Из почти 206-ти церковно-приходских школ, существовавших до революции в Енисейской губернии [16], инородческое население обучалось в школах следующих приходов: в Туруханском крае — при Туруханском Преображенском, Верхне-Инбатском, Дудинском, Тазовском, Хатангском, Ессейском, Авамском, в Ачинском уезде — при Чебаковском, Божиеезерском, Бирилюсском, в Минусинском — при Усть-Абаканском, Абаканском Вознесенском, Сиявинском, Верхне-Усинском, Усть-Есинском, Усть-Фыркаральском, Аскызском, Усть-Ербинском, Верхне-Усинском, Таштыпском, Сонском, Туранском.

По настоянию приходских священников при большинстве школ действовали общежития, поскольку инородцы в большинстве своем вели кочевой или полукочевой образ жизни. При школах создавались открытые для всех желающих бесплатные библиотеки, востребованные у местного населения.

Инородческих училищ, ориентированных именно на обучение инородцев, на территории губернии существовало четыре: миссионерская монастырская школа при Троицком монастыре, Покровская в селе Чебаковском, Божиеезерская, Усть-Есинская, Верхне-Усинская [17, л. 19 об.].

Численность инородцев постоянно колебалась, но все же определенные усредненные показатели возможно установить. Например, в школах Туруханского края численность инородцев была невелика — от двух до семи человек, в то время как в Ачинском и Минусинском уездах численность доходила до 18–20 человек при среднем количестве учеников школы в 30–35 учеников. Это объяснялось большей ассимиляцией местного населения на юге губернии. Среди учащихся были как мальчики, так и девочки.

Набор дисциплин церковно-приходских школ для инородцев был практически идентичен программе обычной церковно-приходской школы — Закон Божий, церковно-славянское чтение и грамота, русское чтение и грамота, чистописание и пение. В инородческих училищах иногда добавлялись такие предметы, как арифметика, история и география [18, л. 1–4].

Интересен опыт обучения инородцев в семьях священников-миссионеров. В миссионерских отчетах сохранились сведения об обучении одного мальчика-сойота в семье миссионера А. Путилова [19, л. 35 об.], мальчика-якута и девочки-остячки в семье М. Сулова [20, л. 52–54], восьми остятских детей в семье диакона Мелентьева [21, л. 5–5 об.]. Чаще всего это была вынужденная мера — либо в рамках прихода не набиралось необходимого числа учеников, либо не хватало средств на содержание школы. В этом случае инородческие дети, желающие учиться, могли проживать в семье священника, где они постигали не только основы православного вероучения и грамотности, но и приобретали элементарные санитарно-гигиенические, хозяйственные навыки. Единственной проблемой в подобном варианте организации обучения было то, что процесс ассимиляции происходил сильнее и усложнялся, в дальнейшем, возвращение в родную среду.

Проблема излишней ассимиляции волновала многих миссионеров. Чаще всего они воспринимали ее как негативный фактор, несмотря на то, что государственная политика просвещения носила ассимилятивный характер.

Конечно, если речь шла об искреннем принятии христианской веры, о повышении нравственного уровня, культуры быта и культуры общения, об изучении русского языка как инструмента для освоения грамоты, то в этом случае ассимиляция воспринималась позитивно. Но если ученик утрачивал навыки родной речи, забывал родные промыслы, то это вызывало сильные опасения со стороны миссионеров. «Мы уже на горьком опыте видели, что оторванный с раннего детства от своей семьи и родичей, воспитанный отдаленной школы отвыкает со временем от родичей, их языка и образа жизни, чуждаясь даже всего этого», — с горечью писал особый миссионер Туруханского края Макарий (в миру Михаил Сулов) в отчете в Енисейскую духовную консисторию в 1904 г. [22, л. 11 об.] Поэтому миссионеры неоднократно поднимали вопрос о создании кочевых школ, внедряли в школьную программу обучение различным национальным ремеслам (например, курсы рыбной ловли при Туруханской школе в 1907 г. [23, л. 14 об. — 18]).

Это помогало не порывать с национальными традициями.

Иностранческие школы, созданные по инициативе священников и местных инородцев, неизбежно сталкивались с огромным количеством проблем — недостаток финансирования, педагогов, помещений, минимальное обеспечение учебной и методической литературой, равнодушие власти, а кочевой образ жизни инородцев так же вносил свои коррективы в образовательный процесс. Но сложнее всего было сломить предрассудки инородцев относительно пользы образования.

Принципиальной позицией миссионеров была добровольность что в вопросах принятия веры, что в вопросах просвещения. «Без сочувственного отношения к школе прихожан, родителей учеников школа всегда и везде будет лишь казенным учреждением принудительного характера. Напрасны будут и материальные затраты начальства без сочувствия населения и без сознания в среде его большей пользы грамотности для жизни. Школа будет искусственным, навязанным учреждением» — отмечал в отчете особый миссионер Туруханского края Макарий (в миру — Михаил Суслов) за 1892 г. [24, л. 57]. Подавляющее большинство инородцев не видели в образовании никакого практического толка, а воспринимали как некий отвлекающий фактор от повседневной хозяйственной деятельности и не хотели отпускать потенциальные рабочие руки из семьи. Другие считали, что дети непременно погибнут. И порой эту непоколебимую стену предрассудков было невозможно сломить. Миссионеры отмечали даже факты травли со стороны соплеменников по отношению к тем, кто отдавал детей в школы.

Со временем, конечно, ситуация менялась. Давала результаты активная проповедническая деятельность, а некоторые инородцы, продолжая образование в гимназиях, учительских семинариях становились педагогами, переводчиками, священнослужителями. Многие из них возвращались в родную среду и охотно делились знаниями с соотечественниками. Это оказывало огромное влияние на инородцев и пробуждало желание получать образование.

Самым ярким проявлением того, что миссионерская проповедь о пользе образования давала результат, а личный пример грамотных соплеменников был воспринят верно, было то, что инородцы выступали инициаторами создания школ в их приходах. Например, в 1893 г. в миссионерском отчете упоминается сразу о двух национальных инородческих школах с общежитием в улусах Таргев и Подкаминский [25, л. 22] и о школе в улусе Чарков [26, л. 14], открытых на средства и по инициативе инородцев. В 1895 г. инородцы Тазовской Юратской управы ходатайствовали о создании школы при местной часовне Василия Мангазейского [27, л. 1—3], а в 1901 г. тунгусы Илимпейского рода выступили с предложением о строительстве школы на озере Чирингид [28, л. 1—3].

Интересны случаи, когда грамотные инородцы занимались обучением своих соплеменников. Миссионер Михаил Суслов (Макарий) писал: «Так, ученик Васильева Максим Попов во время отлучки своего учителя обучил своего товарища разбирать и слагать слова в книге и писать Константина Дуракова, а ученик Васильева Стефан Дураков по дороге в с. Хатангское на экзамене научил тунгусского мальчика Даниила молитвам» [22, л. 28].

В истории национальной школы Енисейской губернии оставило след множество деятелей церкви: М. А. Гобов, династия священнослужителей Сусловых, П. Попов, К. Рычков, М. Соколов, К. Репьев, В. Заводовский, П. И. и Г. И. Тыжновы, Н. Путилов и многие другие. Именно они являлись инициаторами создания церковно-приходских школ в своих приходах, миссионерских иностранческих училищ, занимались переводческой деятельностью. Особого внимания заслуживают священники из числа местных жителей: преподаватель Синявинской церковно-приходской школы Евфимий Иптышев, Николай Катанов и Семен Чесмочаков (Усть-Есинский приход), Дмитрий Кобежиков (Усть-Фыркальский приход), Семен Аланов (Чебаковский приход), Кирилл Сендимиев (Божиеезерский приход), Серафим Васильев (Хатангский приход).

Священнослужители стояли у основ создания национальной письменности и занимались активной переводческой деятельностью, поскольку просвещение инородцев было невозможно без знания национального языка. Однако этот аспект является темой для отдельного исследования.

Результаты исследования. Таким образом, начало делу национальной образования на территории Енисейской губернии в дореволюционный период было положено благодаря активной деятельности Русской православной церкви. Впервые у представителей малых коренных народов губернии появилась возможность обучения грамоте. Была создана система церковно-приходских школ и иностранческих училищ, заложены основы национального языка. Конечно, оставался целый комплекс неразрешенных проблем — национальная школа по-прежнему не воспринималась как необходимость, фундаментальное гражданское право инородцев, государство отказывало в нормативной и финансовой поддержке, а основы методик преподавания, с учетом национальных особенностей, так и не были разработаны. Однако эти проблемы были слишком глобальны и не могли быть решены силами членов Русской православной церкви Приенисейского региона.

Тем не менее в новый, переломный, период истории (1920-е гг.)¹ система национальных школ губернии вступала, имея достаточный практический опыт и определенные достижения.

Несомненно, результаты данного исследования не являются исчерпывающими, но они могут быть полезны как практикующим педагогам, так и исследователям, интересующимся различными аспектами истории образования, национальной культуры, религии, этнологии.

Примечания

¹ На особую актуальность изучения региональных особенностей революционных процессов в Енисейской губернии указывают в рамках работы площадок публичной истории современные специалисты [29].

Библиографический список

1. Исхакова Р. Р. Деятельность Н. И. Ильминского и его системы (Историография проблемы). Казань: Новое знание, 2002. 24 с. ISBN 5-89347-128-8.
2. Волков Г. Н. Этнопедагогика. Москва: Академия, 1999. 168 с.
3. Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917—1937). Абакан, 1983. 185 с.

4. Бибилова В. В. Становление единой трудовой школы в 20-е годы XX века в Приенисейской Сибири. Красноярск, 2008. 352 с.
5. Капсаргина С. А. Национальное образование в Хакасии: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2008. № 1. С. 67–73.
6. Рафиков Р. Г. Развитие национальной школы Красноярского края (1920–2005) // История науки и образования в Сибири: сб. материалов Всерос. научн. конф. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2006. 404 с. ISBN 5-85981-127-6.
7. Быкопя Г. Ф., Федорова В. И., Ценюга С. Н. [и др.]. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII–начало XXI вв.): моногр. Красноярск, 2014. 580 с. ISBN 978-5-85981-700-9.
8. Гюнтер О. А., Ценюга С. Н. «Развитие национальной системы образования на территории Енисейской губернии в дореволюционный период» // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. форума. Красноярск, 2018. С. 163–168.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1. Д. 25.
10. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 67.
11. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3892.
12. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3.
13. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 10.
14. ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96.
15. ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 206.
16. ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 237.
17. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 38.
18. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 13.
19. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14.
20. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 16.
21. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 107.
22. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 114.
23. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 133.
24. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15.
25. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 44.
26. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 75.
27. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 84.
28. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 101.
29. Петин Д. И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1, № 2. С. 89–92.

ГЮНТЕР Олеся Александровна, аспирант Института социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск; старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск.
Адрес для переписки: lesia-alisa@mail.ru

Для цитирования

Гюнтер О. А. Роль Русской православной церкви в развитии системы национального образования малых коренных народов Енисейской губернии (1860–1917 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 24–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-24-30.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021 г.
© О. А. Гюнтер

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION SYSTEM OF SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE YENISEI PROVINCE (1860–1917)

The article is a survey research that examines the experience of the formation and development of the national education system for small indigenous peoples of the Yenisei province in the pre-revolutionary period and analyzes the role of the Russian Orthodox Church in this process. The study provides a characteristic of the regulatory and methodological framework, describes the structure of church institutions involved in the education of foreigners, and also analyzes the activities of educational institutions for the foreign population. A complex of research methods is used for the study: comparative historical, structural-functional, problem-chronological, anthropological, statistical. The author comes to the conclusion that the Russian Orthodox Church played a fundamental role in the genesis of the system of national education for the indigenous small peoples of the Yenisei province in the second half of the 19th – 20th centuries.

Keywords: Russian Orthodox Church, Yenisei province, missionary work, national policy, national education, translation activity, clergymen, education, parish school.

References

1. Iskhakova R. R. Deyatel'nost' N. I. Il'minskogo i ego sistemy (Istoriografiya problemy) [N. I. Il'minsky and his systems (Historiography of the problem)]. Kazan, 2002. 24 p. ISBN 5-89347-128-8. (In Russ.).
2. Volkov G. N. Etnopedagogika [Ethnopedagogy]. Moscow, 1999. 168 p. (In Russ.).
3. Asochakov V. A. Kul'turnoye stroitel'stvo v Khakasii (1917–1937) [Cultural construction in Khakassia (1917–1937)]. Abakan, 1983. 185 p. (In Russ.).
4. Bibikova V. V. Stanovleniye edinoy trudovoy shkoly v 20-e gody XX veka v Priyeniseyskoy Sibiri [Formation of a unified labor school in the 20s XX century in the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk, 2008. 352 p. (In Russ.).
5. Kapsargina S. A. Natsional'noye obrazovaniye v Khakasii: istoriya i sovremennost' [National education in Khakassia: history and modernity] // Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*. 2008. No. 1. P. 67–73. (In Russ.).
6. Rafikov R. G. Razvitiye natsional'noy shkoly Krasnoyarskogo kraya (1920–2005) [Development of the national school of the Krasnoyarsk Territory (1920–2005)] // Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri. *History of Science and Education in Siberia*. Krasnoyarsk, 2006. 404 p. (In Russ.).
7. Bykonya G. F., Fedorova V. I., Tsenyuga S. N. [et. al.] Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya (XVII–nachalo XXI vv.) [Essays on the history of the folk formation of the Krasnoyarsk Territory (XVII–early XXI centuries)]. Krasnoyarsk. 2014. 580 p. (In Russ.).
8. Gunter O. A., Tsenyuga S. N. «Razvitiye natsional'noy sistemy obrazovaniya na territorii Eniseyskoy gubernii v dorevolutsionnyy period» [«Development of the national education system on the territory of the Yenisei province in the prerevolutionary period»] // Aktual'nyye voprosy istorii Rossii: problemy i perspektivy razvitiya. *Actual Questions of the History of Russia: Problems and Development Prospects*. Krasnoyarsk, 2018. P. 163–168 (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [State Archives of the Krasnoyarsk Territory (SAKT)]. File: 667/1/25. (In Russ.).
10. GAKK [SAKT]. File: 674/1/67. (In Russ.).
11. GAKK [SAKT]. File: 6674/1/3892. (In Russ.).
12. GAKK [SAKT]. File: 667/1/3. (In Russ.).
13. GAKK [SAKT]. File: 667/1/10. (In Russ.).
14. GAKK [SAKT]. File: 3/1/96. (In Russ.).
15. GAKK [SAKT]. File: 3/1/206. (In Russ.).
16. GAKK [SAKT]. File: 3/1/237. (In Russ.).
17. GAKK [SAKT]. File: 667/1/38. (In Russ.).
18. GAKK [SAKT]. File: 667/1/13. (In Russ.).
19. GAKK [SAKT]. File: 667/1/14. (In Russ.).
20. GAKK [SAKT]. File: 667/1/16. (In Russ.).
21. GAKK [SAKT]. File: 667/1/107. (In Russ.).
22. GAKK [SAKT]. File: 667/1/114. (In Russ.).
23. GAKK [SAKT]. File: 667/1/133. (In Russ.).
24. GAKK [SAKT]. File: 667/1/15. (In Russ.).
25. GAKK [SAKT]. File: 667/1/44. (In Russ.).
26. GAKK [SAKT]. File: 667/1/75. (In Russ.).
27. GAKK [SAKT]. File: 667/1/84. (In Russ.).
28. GAKK [SAKT]. File: 667/1/101. (In Russ.).
29. Petin D. I. «Est' u revolyutsii nachalo...»: start mezhmuzeynogo proyekta v Krasnoyarske [«The revolution

has a beginning ...»: the start of the inter-museum project in Krasnoyarsk] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2017. Vol. 1, no. 2. P. 89–92. (In Russ.).

GUNTER Olesya Aleksandrovna, Post-graduate Student of Social and Humanitarian Technologies Institute, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafieva, Krasnoyarsk; Senior Lecturer of Russian History of World and Regional

Civilizations Department of Humanities Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.
Correspondence address: lesia-alisa@mail.ru

For citations

Gunter O. A. The role of the Russian Orthodox Church in development of national education system of small indigenous peoples of the Yenisei province (1860–1917) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 1. P. 24–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-24-30.

Received November 08, 2021.

© **O. A. Gunter**